

„ЗА ДВА ГОДА“.

~~19914~~
~~7004/3~~

„Русская революція и Европа“.
„Междунар. социализмъ“.
„Основы тактики“.

„Дом Плеханова“
№ 90-1719/10сх.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1906.

„Строгость необходима“...

(1 мая 1904 г., № 85).

Когда русская тихо-океанская эскадра терпѣла одно поражение за другимъ и когда русскіе моряки, несмотря на все свое несомнѣнное мужество, оказывались не въ состояніи причинить сколько-нибудь значительный вредъ непріятелю, правительство и его рентилии увѣряли Россію, что этимъ не нужно смущаться, такъ какъ дѣло приметъ другой оборотъ и военное счастье повернется въ нашу сторону, когда начнется сухопутная кампанія. Теперь эта кампанія началась, и, вопреки успокоительнымъ общаніямъ, телеграфъ снова и снова разноситъ по свѣту вѣсти объ японскихъ побѣдахъ. Наши охранители дѣлаютъ видъ, что ихъ нисколько не смущаютъ и эти печальныя для Россіи вѣсти.

Газета г. Грингмута съ ученымъ видомъ знатока говоритъ, что «отходъ нашихъ войскъ отъ Ялу былъ предрѣшенъ, повидимому, уже давно и составляетъ, слѣдовательно, одно изъ частныхъ явленій общаго плана дѣйствій, съ которымъ, быть можетъ, можно и не соглашаться, но который, несомнѣнно, представляетъ собой нѣчто цѣльное и строго обдуманное». Но этому врядъ-ли повѣрятъ даже самые простодушные читатели «Московскихъ Вѣдомостей». Если отходъ нашихъ войскъ отъ Ялу былъ предрѣшенъ уже давно, то зачѣмъ же было загоразивать дорогу японцамъ, зачѣмъ было начинать то сраженіе, которое по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла не могло не закончиться для русскихъ неудачей? Или, можетъ быть, это неудачное сраженіе, эти орудія, доставшіяся непріятелю, этотъ новый подъемъ духа въ японской арміи составляли необходимую часть плана, «строго обдуманнаго нашими» мудрыми военачальниками? Если—да, то это, конечно, хорошо: но въ такомъ случаѣ почему не пойти дальше и не сказать, что для выполненія этого оригинальнаго плана непремѣнно нужны были наши морскія неудачи до гибели адмирала Макарова включительно? Бумага все терпитъ. Правда, русскій читатель уже не настолько простодушенъ, чтобы могъ повѣрить такимъ нелѣпымъ розказнямъ. Но вѣдь онъ не повѣритъ и тому, что наше отступленіе отъ Ялу не было новой неудачей нашей арміи. Кто не видитъ теперь, что на самомъ дѣлѣ у правительства вовсе нѣтъ никакого серьезнаго плана; что оно было совсѣмъ не готово къ той самой войнѣ, которую дѣлала неизбѣж-

ной его же политика на Дальнемъ Востокѣ; что оно не знало хорошенько размѣровъ ни своихъ собственныхъ военныхъ средствъ, ни средствъ непріятеля ⁴⁾? Это во всеуслышаніе признаютъ даже тѣ наши публицисты, которые отнюдь не склонны критиковать дѣйствія предрѣжащихъ властей и подрывать довѣріе къ нимъ въ народѣ и обществѣ. «Мы съ благородной славянской честностью не готовились къ войнѣ, когда вели съ Японіей переговоры», говоритъ г. Суворинъ въ № 10.106 «Новаго Времени», забывая только прибавить, что подобную же «честность» обнаружилъ правительство Наполеона III лѣтомъ 1870 года, ведя переговоры съ Пруссіей. «Теперь ясно для всѣхъ—продолжаетъ онъ,—что Японія гораздо лучше знаетъ Россію, чѣмъ Россія Японію.. Мы, простые смертные, вообще знаемъ мало. Но очевидно, что и въ высшихъ сферахъ знали Японію мало. Мы не знали о большомъ развитіи у нея техники, объ этой жаждѣ хвататься за всякое изобрѣтеніе въ Европѣ и тотчасъ же имъ пользоваться, не дожидаясь пока оно оправдаетъ себя. Трусовость китайцевъ обманывала насъ и на счетъ храбрости японцевъ». Словомъ, наши «высшія сферы» совсѣмъ не знали, какого противника вызываютъ онѣ на бой своей политикой захвата чужихъ земель, хотя онѣ обязаны были знать, съ кѣмъ онѣ имѣютъ дѣло, и хотя исполненіе этой обязанности очень облегчалось для нихъ недавнимъ опытомъ войны Японіи съ Китаемъ. Думаетъ ли нашъ публицистъ, что и этотъ непростительный промахъ объясняется «благородной славянской честностью»? Это, безспорно, очень лестное для насъ объясненіе. Жаль только, что свѣтлая картина «славянской честности» омрачается той «алчностью наживы», на которую указываетъ самъ г. Суворинъ и которая,—приводя къ безчисленнымъ «хищеніямъ» на всѣхъ многочисленныхъ ступеняхъ и во всѣхъ возможныхъ «вѣдомствахъ» нашей администраціи,—еще болѣе ослабляла и безъ того сравнительно слабыя силы Россіи. Трудно представить себѣ, чтобы «честность» этого рода могла нравиться кому-нибудь, кромѣ «правящихъ сферъ». И самъ публицистъ «Новаго Времени» заканчиваетъ

*) Иностранная газета сообщаетъ, что генералъ Куропаткинъ въ длинной телеграммѣ, посланной имъ царю, протестуетъ противъ поведенія адмирала Алексѣева, который хочетъ навязать ему планъ военныхъ дѣйствій, прямо противоположный его собственному, г. Куропаткина, плану. Выходитъ что у насъ есть не одинъ, а цѣлыхъ два плана (а у генерала Засулича былъ, пожалуй, третій), и каждый изъ нихъ, вѣроятно, «строго обдуманъ». Это полнѣйшая анархія, какъ двѣ капли воды похожая на ту, которая господствовала во французской арміи во время семилѣтней войны, т. е. въ эпоху глупѣйшаго упадка неограниченной монархіи во Франціи.

свое «Маленькое письмо» строками, дающими поводъ думать, что она начинаетъ находить себѣ у насъ надлежащую оцѣнку.

«Судите нашу распущенность, халатность, пренебреженіе долгомъ, нашими обязанностями къ общественному порядку, къ пользамъ нашего отечества и Государя,—взываетъ онъ,—но судите не для праздныхъ проклятій, а для того, чтобы быть лучшими, благороднѣйшими, великими сынами Россіи!» Стало быть, проклятія раздаются? Противъ кого же они направляются? Не противъ той ли правительственной системы, которая господствуетъ въ нашей несчастной странѣ и которая какъ будто нарочно придумана для того, чтобы воспитать въ своихъ представителяхъ распущенность, халатность и пренебреженіе своими обязанностями по отношенію къ «общественному порядку»? Очень на то похоже. Въ своемъ предыдущемъ письмѣ (№ 10.105 «Н. В.») г. Суворинъ уже сообщилъ намъ, что теперь русское общество начинаетъ скептически относиться не только къ обещаніямъ будущихъ побѣдъ нашихъ надъ японцами, но и ко всей политикѣ, приведшей насъ къ вооруженному столкновенію съ Японіей. Этотъ скептицизмъ уже самъ по себѣ долженъ предрасполагать наше общество къ сознанию той простой истины, что отвѣтственность за бѣдствія, переживаемыя Россіей, падаетъ не на отвлеченныя свойства человеческой природы, а на существующій у насъ политическій порядокъ.

Весьма возможно, правда, что это сознаніе далеко не у всѣхъ еще достигло надлежащей ясности и что весьма многіе изъ людей, «проклинающихъ» существующіе у насъ порядки, еще не успѣли возвыситься до отрицательнаго отношенія къ ихъ политической основѣ. Самъ г. Суворинъ въ своемъ разсужденіи смѣшиваетъ отечество съ правительствомъ и отождествляетъ интересы Россіи съ интересами этого послѣдняго.

Не желая пускаться по этому поводу въ полемику собственно съ г. Суворинимъ,—отъ котораго мы никогда не ожидали ни правильнаго сужденія, ни смѣлаго слова,—мы замѣтимъ, что логика жизни и силъ нѣе самой застарѣлой нелогичности мысли. Если севастопольскій погромъ въ корень подорвалъ систему Николая Перваго, то Портъ-Артурскій крахъ обѣщаетъ до основанія расшатать современный.

Г. Суворинъ приглашаетъ всѣхъ своихъ читателей быть строгими къ самимъ себѣ. «Строгость необходима,—хнычетъ онъ,—для нашего правоученія, чтобы не повторить нашихъ ошибокъ, заблужденій, вольныхъ и невольныхъ, и пороковъ, чтобы не жить такъ, какъ мы жили»,

Намъ,—т. е. Россіи,—дѣйствительно нельзя жить такъ, какъ мы до сихъ поръ жили, потому что если мы будемъ продолжать жить такъ, то мы по роковой необходимости будемъ повторять ошибки, за которыя намъ приходится платить теперь страшно дорогой цѣною. И намъ дѣйствительно «необходима строгость»—необходима не для «праздныхъ» правоученій, которыя ровно никому и ровно ничему не помогли и не помогутъ, а для безпощадной борьбы съ отживающимъ режимомъ, который уже давно сталъ сильнѣйшимъ препятствіемъ для внутренняго развитія Россіи, а теперь завлекъ ее въ безсмысленную войну, грозящую ей цѣлымъ рядомъ непоправимыхъ бѣдствій. Въ этой борьбѣ мы на самомъ дѣлѣ должны быть «строги» не только по отношенію къ прямымъ представителямъ господствующей у насъ позорной политической системы,—съ которыми у насъ не можетъ быть ни продолжительнаго мира, ни самаго короткаго перимірія, но также и по отношенію ко всѣмъ тѣмъ „загачнымъ натурамъ“, которыя, не принадлежа къ числу обывателей, мало разбирающихся въ политическихъ вопросахъ, и не становясь прямо на сторону правительства, а порой нося даже либеральный плащъ, въ то же самое время усиливаютъ позиціи абсолютизма своимъ неразуміемъ, своей дряблостью, слабостью и непослѣдовательностью. Люди этого разряда,—люди—трава, люди—слизняки, какъ говаривалъ покойный А. И. Герценъ,—повидимому, еще долго у насъ не переведутся, и эти люди заслуживаютъ самаго строгаго осужденія, потому что дѣлу свободы они иногда, хотя, можетъ быть, и невзначай, вредятъ больше, чѣмъ самые убѣжденные и упорные охранители.

Къ ихъ числу мы, къ искреннѣйшему нашему сожалѣнію, вынуждены отнести либеральнаго корреспондента либеральныхъ „Русскихъ Вѣдомостей“ г. Sh., который, подобно г. Суворину, не умѣетъ отличить отечество отъ начальства. Въ своемъ письмѣ отъ перваго апрѣля (см. № 97 „Р. В.“) онъ, описывая впечатлѣніе, произведенное на англичанъ гибелью „Петропавловска“, приводитъ мнѣнія тѣхъ „радикальныхъ“ англійскихъ изданій, которыя въ вопросѣ о войнѣ „рѣшительно выступили сторонниками русскаго народа, сдѣлавъ соотвѣтственныя оговорки“. (Р. В. № 97). Какія же именно оговорки, г. корреспондентъ? Самой естественной и самой основательной изъ всѣхъ оговорокъ, возможныхъ въ настоящемъ случаѣ, является та, что войну съ Японіей ведетъ не русскій народъ, а его злѣйшій и опаснѣйшій врагъ—русское правительство; но съ точки зрѣнія этой оговорки вопросъ о томъ, на чью сторону должна стать англійская и всякая другая демократія представляется совѣтъ не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ его видятъ „Москов-

скія Вѣдомости“, г. Суворинъ, лондонскій корреспондентъ либеральной московской газеты и англійскіе „радикалы“. Г-нъ Sh. говоритъ, что, по мнѣнію „Reynolds Newspapers“, всякій знакомый съ произведениями нашихъ великихъ писателей,—Гоголя, Достоевскаго, Тургенева,—„не колеблясь станеть на сторону русскихъ въ войнѣ“. Цитируемой г. Sh. „радикальной“ газетѣ, вѣроятно, неизвѣстно положеніе русской литературы, а образованнымъ русскимъ людямъ прекрасно извѣстно все, сдѣланное правительствомъ для того, чтобы помѣшать ея развитію и какъ можно больше отравить существованіе лучшихъ и талантливѣйшихъ ея представителей. Странно, поэтому, что г. либеральный корреспондентъ съ своей стороны не прибавилъ къ выпискѣ, сдѣланной имъ изъ „Reynolds Newspapers“, „соотвѣтственной оговорки“, гласящей, что, кто любитъ русскую литературу, тотъ вездѣ и всегда противъ русскаго правительства. Далѣе г. Sh. повторяетъ то несомнѣнно очень „радикальное“ и справедливое мнѣніе, что японскій империализмъ основанъ „на страшной нищетѣ массъ“. Но и оно вовсе не рѣшаетъ вопроса, такъ неумѣло затронутаго г. Sh.: вѣдь нашъ русскій империализмъ зиждется тоже не на обогащеніи массъ, какъ это извѣстно всему міру, а лучше всего самимъ „массамъ“. Человѣкъ имѣетъ право быть смѣшнымъ, но не слѣдуетъ злоупотреблять этимъ правомъ, а г. либеральный корреспондентъ положительно злоупотребляетъ имъ, цитируя,—вслѣдъ за „однимъ англійскимъ изслѣдователемъ“,—слова „выдающагося и блестящаго японскаго соціолога“, который говоритъ: «Каждый броненосецъ поглощаетъ сотни и тысячи рисовыхъ полей. Вотъ почему наши крестьяне не могутъ ѣсть риса». „Соціологъ“, конечно, правъ; но г. корреспондентъ, какъ видно, позабылъ, что наши броненосцы,—тѣ самые броненосцы, которые оказались до такой степени нигде негодными,—тоже очень не дешево обходятся русскому крестьянину, который еще рѣже, чѣмъ японскій, наѣдается досыта. Но все это цветочки, а вотъ невѣроятно крупная, удивительно сочная ягодка. „Цитируемый изслѣдователь, — продолжаетъ г. Sh.,—обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что этотъ (т. е. японскій) пролетаріатъ отнюдь не настроенъ такъ враждебно къ Россіи, какъ самурай¹⁾ или какъ консервативное деревенское населеніе. Наоборотъ, городской пролетаріатъ желаетъ жить въ мирѣ съ нами, но съ его желаніями не справлялись“. Это звучитъ не только либерально, но даже очень „радикально“. Однако, и это цѣликомъ основано на выгодной лишь для самодержавнаго правительства путаницѣ понятій. Изъ

¹⁾ Т. е. мелкое японское дворянство.

всѣхъ элементовъ японскаго населенія не желали войны только пролетаріи, усвоившіе себѣ социалистическія понятія. Съ мнѣніями этихъ пролетаріевъ дѣйствительно никто не считался. Но вѣдь г. корреспонденту не безызвѣстно, что сознательные пролетаріи существуютъ и въ Россіи. Пусть же онъ скажетъ намъ, считалось ли съ ихъ желаніями самодержавное правительство, ведущее теперь войну съ Японіей: спросило ли оно ихъ, что они думаютъ о занятіи Портъ-Артура, о захватѣ Манчжуріи? „Англійскій изслѣдователь“ могъ и не знать или позабыть, а г. Sh. нравственно обязанъ былъ знать и помнить, что русскій пролетаріатъ еще гораздо больше безправенъ, чѣмъ японскій, и что на всѣ его желанія правительство отвѣчаетъ только нагайками и прикладами, штыками и пулями. Г. корреспондентъ нравственно обязанъ былъ знать, что въ борьбѣ съ революціоннымъ пролетаріатомъ и съ голодающимъ крестьянствомъ «христіюлюбивое» русскіе воинство пожало очень много лавровъ. Какъ же могъ онъ хоть на мгновение вообразить, что демократы, достойные своего названія и искренно сочувствующіе трудящемуся населенію Россіи, могутъ желать свободы тому самому правительству, которое опирается на это войско и пользуется его силой для неслыханнаго угнетенія своего собственнаго народа? Нѣтъ, если бы г. Sh. дѣйствительно захотѣлъ узнать мнѣніе современной передовой демократіи, то онъ спросилъ бы себя, на чью сторону склоняется сочувствіе международныхъ социалдемократовъ, и тогда ему легко было-бы,—ознакомившись съ ихъ литературой,—убѣдиться, что социалдемократы всѣхъ странъ—не исключая и Англии,—безъ всякихъ «оговорокъ» желаютъ побѣды японскому оружію¹⁾. И это вполне понятно. Не японскій микадо, а русскій абсолютизмъ всегда служилъ надежнѣйшимъ оплотомъ европейской реакціи; не японскій микадо, а русское правительство давило Польшу, умирало Венгрію, травитъ «жидовъ», нарушаетъ конституцію Финляндіи; не японскій микадо, а русскій абсолютизмъ до сихъ поръ является величайшей угрозой освободительному движенію въ Европѣ. Вотъ почему представители и друзья этого движенія не могутъ желать, чтобы побѣдило русское правительство. Международная социалдемократія ни мало не склонна къ идеализаціи японскихъ порядковъ. Принципіальная противница милитаризма, она вообще не сочувствуетъ войнѣ и знаетъ, во что обойдется японскому народу побѣда Японіи. Но знаетъ она также, что несравненно дороже обошлась бы Россіи, а

¹⁾ Что касается Англии, то мы рекомендуемъ г. Sh. хотя бы замѣтку: *Crush the Muscovite Tyranny* въ послѣднемъ, 1061, номерѣ органа Англійской Соціал-Демократической Федераціи „*sice*“.

съ нею и всей Европѣ, побѣда русскаго самодержавія надъ Японіей. Изъ двухъ золъ она выбираетъ меньшее. Это извѣстно всѣмъ тѣмъ, кого интересуетъ великое революціонное и единственное истинно-демократическое движеніе нашего времени. И намъ совершенно непонятно, какимъ образомъ г. либеральный корреспондентъ московской газеты рѣшился умолчать объ этомъ, заговоривъ о сочувствіи къ Россіи «радикальныхъ» элементовъ одной изъ европейскихъ странъ. Г. корреспондентъ не солгалъ, но онъ исказилъ истину, сообщивъ своимъ читателямъ лишь ничтожную и наименѣе важную ея часть. А такое искаженіе хуже лжи.

Нечего и говорить! Мы сами какъ нельзя лучше понимаемъ, что въ данномъ случаѣ истина не заключаетъ въ себѣ ничего лестнаго для русскаго національнаго чувства. Намъ очень больно за Россію. Но горю не поможешь искаженіемъ истины. Чтобы помочь ему, необходимы такія серьезныя «оговорки», которыя, войдя въ нашу внутреннюю жизнь, радикально измѣнили бы роль нашей страны въ международной политикѣ. Если намъ обидно, что наша страна представляется передовымъ партіямъ другихъ странъ чѣмъ-то въ родѣ европейскаго жандарма, которому они не могутъ не желать неудачъ и поражений, то у насъ есть лишь одинъ выходъ: мы должны какъ можно скорѣе покончить съ правительствомъ, позорящимъ насъ въ глазахъ всего цивилизованнаго міра. Нѣтъ и не можетъ быть такихъ исключительныхъ обстоятельствъ, которыя позволяли бы намъ,—и, говоря «намъ», мы имѣемъ въ виду всѣхъ тѣхъ, кому въ самомъ дѣлѣ дороги интересы и честь нашей страны,—хотя бы самое короткое время, хотя бы лишь нѣсколько шаговъ идти рядомъ съ правительствомъ. Даже и война ничего не измѣняетъ въ этомъ, потому что и во время войны интересы нашего народа ни на одно мгновеніе не перестаютъ самымъ кореннымъ образомъ расходиться съ интересами нашего правительства. Тѣ огромныя бѣдствія, которыя война навлекаетъ на русскій народъ, являются лишь новымъ доказательствомъ того, что ему нужно какъ можно скорѣе освободиться. И чѣмъ больнѣе отзываются въ нашемъ сердцѣ эти огромныя бѣдствія войны, тѣмъ тверже должны мы помнить, что теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, строгость необходима,—не та фразистая, не беззубая строгость, о которой болтаетъ г. Суворинъ, и не та строгость школьнаго «фискала», о которой распространяется г. Меньшиковъ, а та строгость, которая называется революціонной непримиримостью, та спасительная строгость, которая разрушитъ безобразное зданіе абсолютизма, «грянетъ божьею грозой» надъ «неправдою лукавой», насажденною самовластіемъ въ нашей странѣ, и сдѣлаетъ

насть, наконецъ, свободнымъ народомъ. Справившись съ внутреннимъ врагомъ, мы, въ качествѣ такого народа, уже сравнительно легко уладимъ свои дѣла со всеми «внѣшними врагами».

Г. Плехановъ.

Разгромъ.

(1 мая 1904 г., № 65).

Послѣ Портъ-Артура—Ялу, послѣ гибели «Петропавловска»—позорное бѣгство со сдачей японцамъ трехъ четвертей русской артиллеріи! Сотни плѣнныхъ—въ томъ числѣ десятки офицеровъ, тысячи убитыхъ и раненныхъ! Выбитые изъ строя генералы и деморализованные паническимъ страхомъ солдаты! «Великій» и «непобѣдимый» Куропаткинъ, телеграфирующий о томъ, что у него—на третій день послѣ сраженія—нѣтъ никакихъ извѣстій о размѣрахъ потерь и что эти потери «должны быть очень велики». Генераль Засуличъ, посылающій подробные отчеты о разныхъ деталяхъ сраженія, но забывающій сообщить одну маленькую подробность: конечный результатъ, число убитыхъ и раненныхъ. И, наконецъ, петербургское правитель-ство, держащее населеніе нѣсколько дней въ неизвѣстности о судьбахъ арміи, не рѣшающееся высказать—даже въ извращенномъ видѣ—горькую истину. А вокругъ—рой жужжащихъ во всѣ уши журналистовъ, увѣряющихъ почтенную публику, что пораженіе не настоящее, и что самое сраженіе съ тысячами выбитыхъ изъ строя было не настоящее, и что—невѣроятно, но вѣрно!—«неудача» на Ялу «входила въ планъ» великаго и непобѣдимаго Куропаткина! Онъ, собственно говоря, зналъ, что японцевъ нельзя не пустить черезъ Ялу, онъ зналъ, что ими собраны громадныя силы, и онъ даже поставилъ себѣ дѣлю завлечь ихъ въ Манчжурію. Цѣль достигнута—и напрасно японцы торжествуютъ: послѣ пятидневнаго сраженія они, перейдя рѣку, только приблизились къ той «ловушкѣ», которую готовить имъ Куропаткинъ.